

ПИРАТЫ

Диана Вольз

Диана Вольз

Millenium. Пираты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34110010

ISBN 9785449091147

Аннотация

Мы часто задаемся вопросом, возможен ли мир, в котором существует равноправие, и нет границ между возрастами, расами, государствами... Кристин живет именно в таком месте. Большая война объединила выживших в стремлении создать общество, где ни для кого не будет преград. Но удалось ли это жителям славного Миллениума? Или люди никогда не меняются?..Обложка: Виталий Никитин

Содержание

МИЛЛЕНИУМ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Millenium. Пираты

Диана Вольз

Дизайнер обложки Виталий Никитин

Редактор Артур Казыханов

© Диана Вольз, 2018

© Виталий Никитин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9114-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИЛЛЕНИУМ

Часть первая. Пираты

Мужчина в черном сидит в мягком кожаном кресле. На столе перед ним стопками лежат различные книги, потертые обложки которых однозначно заявляют свою принадлежность к другой эпохе.

Заявляют о своей запрещенности. О своей недоступности обычным людям.

Стены домашнего кабинета, обычно закрытого от посторонних глаз, завешаны различными историческими фотографиями и плакатами, среди которых иногда попадаются рисунки, сделанные от руки, с одним и тем же символом – голубкой, сидящей на кольце.

В кабинете играет музыка. Женщина с высоким голосом поет что-то на одном из мертвых языков. И другой человек, что находится здесь, испытывает чувство, с которым сталкивался лишь однажды, когда школьный учитель познакомил класс с оперой.

И снова опера. И снова поразительное и неподвластное описанию сочетание страха и благоговения. Этот непонятный, но прекрасный трепет.

– Что конкретно произойдет завтра? – тихо спрашивает он, когда голос женщины стихает. Мужчина впервые в этом

кабинете, стоит у дверей напротив и не решается проходить вглубь.

– Ты все узнаешь, мальчик мой. Главное, держись подальше от места. Когда придет мое время, ты будешь мне нужен.

Мужчина у дверей кивает и бросает взгляд на стены, смутно догадываясь, что означает вся эта коллекция.

– Почему наш герб... выглядит иначе на ваших рисунках? – наконец решается спросить он.

– Город ждет небывалое величие, – медленно, смакуя каждое слово, отвечает мужчина в черном. – И наш герб не подходит. Он слишком мягок, как заботливая мамочка. Как наш президент.

Мужчина у дверей внимательней рассматривает рисунки. На нем голубка не внушает спокойствия, а выражает... агрессию?.. Опасность?

– Я могу идти?

– Да.

Гость бесшумно покидает дом и уезжает, не включив фары.

Мужчина в черном ставит песню сначала, откидывается на спинку кресла и прикрывает глаза. На его лице блуждает улыбка.

«Завтра все случится», – думает он.

Скоро полдень, и городская площадь постепенно заполняется людьми. Солнце уже осеннее, но оно все еще приятно греет, наполняя воздух теплом. Люди сегодня приветливы. На них яркие пиджачки и пуловеры, у них широкие улыбки, у некоторых на щеках флаг, как у болельщиков в старые времена. Сегодня город празднует свое столетие.

Мэтт и Чарли встречаются у здания Отдела обеспечения безопасности и широко друг другу улыбаются.

– Привет, дружище!

Чарли, вместо делового рукопожатия, обнимает друга, и оба похлопывают ладонями по спинам и плечам – как старые друзья, которые редко видятся вне работы. Впрочем, таковыми они и являются.

– Итак, детектив Льюис, о чем у тебя поинтересоваться: о какой-нибудь ерунде или о личной жизни? – спрашивает Чарли. У него гибкий, мелодичный голос, и он прекрасно владеет искусством подчеркивать смысл слов интонацией.

Мэтт посылает другу полный укора, но совсем беззлобный взгляд.

– Да ладно, неужто все по-прежнему? – смеется Чарли.

– Абсолютно, – соглашается Мэтт. У него низкий, томный голос. – И я уверен, агент спецслужбы Вуд, что если спрошу тебя о том же, ты тоже не блеснешь успехами.

Чарли громко смеется, а Мэтт лишь довольно ухмыляется тому, что подколот друга.

– Согласен, один-один.

Они идут по аллее Спокойствия, мимо фонтана Мира: сложной конструкции из фигуры взрослого человека, передающего земной шар в руки ребенка. Вода бьет из-под бетонной плиты рядом с металлическими героями скульптуры и переливается радугой под солнечными лучами. Деревья, плотно посаженные вдоль аллеи, шелестят под легким ветерком. Этот природный шепот смешивается с журчанием фонтана, запахом корицы из булочной, негромкими разговорами прохожих и далекими звуками музыки. Вокруг все спокойно.

Друзья сворачивают на улицу Надежды, что ведет напрямик к городской площади. Люди стекаются сюда с соседних улочек, сливаясь в единый дружественный поток. Вдалеке под солнечными лучами, как монета, поблескивает горизонтальный монумент Единства и президентская трибуна, справа от которых разместился оркестр, наигрывающий торжественные песни. По бокам на столбах расположены огромные экраны, которые в обычное время транслируют счастливую рутину жителей – такие экраны установлены по всему городу.

– Не нарадуюсь на выходной, – говорит Чарли, и в голосе его сквозит облегчение.

– И не говори, – соглашается Мэтт.

Они абсолютно разные. Чарли – темноволосый, с поджарым телом. У него узкое, вытянутое лицо и синие глаза. Мэтт – шире в плечах и чуть выше ростом. У него светлые

волосы и легкие, но необратимые намеки на раннее облысение над вертикальными линиями лба. Карие глаза и медлительный взгляд. Мэтт сам по себе медлителен и в мыслях, и в поступках, в противовес подвижному во всем Чарли, хотя оба успевают все подмечать и принимать взвешенные решения. Они очень разные, однако, смотря на них, чувствуешь некий дух единства. Оба идут нога в ногу с военной выправкой, оба по привычке в костюмах, хотя и не при исполнении, оба эрудированны, смелы и находчивы, что позволило и тому, и другому сделать прекрасную карьеру.

– Как тебя вообще отпустили? – удивляется Мэтт.

– Я перечислил все задания и операции, в которых участвовал за последний год, и у них просто не было выбора. Кроме того, – Чарли оглядывается по сторонам, и, убедившись, что никто не смотрит, приоткрывает пиджак – к правому боку плотно прижата кобура, к внутреннему карману прикреплен бейдж спецарента, – они ведь все равно знают, что я буду здесь.

Мэтт ухмыляется и приоткрывает левую сторону пиджака – у него такой же, только детективный набор. Друзья громко смеются.

– Старые привычки неискоренимы, – заключает Мэтт. Чарли кивает, и оба вспоминают бунт в Нижнем городе.

Вдоль улицы стоят кремовые, под цвет костюма Мэтта, офисные здания, не выше шести этажей, где на первых – тихие магазинчики и уютные кафе со столиками на улицах.

На газонах перед зданиями на бархатной зеленой траве цветут цветы, которые, как и люди, наслаждаются солнцем, пока еще можно. Городская площадь уже совсем близко, можно увидеть кордон охраны, который отделяет людей от каменной трибуны. Оркестр доигрывает одну из композиций и начинает новую.

– Мистер Вуд! – кричит кто-то рядом, и Чарли озаряется улыбкой.

– Профессор Разински! – восклицает он и оборачивается к Мэтту. – Подожди меня.

Мэтт кивает и наблюдает за другом, который быстрым шагом направляется к летней веранде одного из кафе, где ему приветливо улыбается седой мужчина.

Мэтт какое-то время по инерции следует за Чарли и останавливается, сохраняя нейтральное расстояние. Мимо проходят люди, на их лицах радостные улыбки. Площадь уже совсем близко, что можно увидеть примыкающие к площади улицы Дружбы и Согласия. Они такие же пешеходные, как и улица Надежды, и заполнены движущимися людьми. Президентская трибуна размещена в середине монумента Единства, а за ним разбит огромный парк, слева от которого Дворец правительства, а справа – дом судебной коллегии. Мэтт наблюдает за танцующими людьми на площади, подмечая, кто из какой части города. И, хотя официально город является единым, Мэтт не может не различать жителей Верхнего, Среднего и Нижнего города. Однако эти различия якобы

стерты.

Отворачиваясь от толпы, Мэтт смотрит в окно кафе. По разные стороны столика сидят двое, оба уткнувшись в свои ноутбуки. Слева чернокожий мужчина в ярко-красной толстовке. У него крупное тело, большая голова и напряженный взгляд, направленный в экран. Между ноутбуками стоит кальян, двое по очереди курят и передают друг другу трубку. Мэтт переводит взгляд на правую сторону столика как раз в тот момент, когда человек, сидящий там, выдыхает, оторвав трубку ото рта. Стекло затуманивается, но дым рассеивается довольно быстро, открывая Мэтту курильщика. Это девушка, комплекцией гораздо меньшей, чем мужчина напротив. Ее голова усыпана яркими, разноцветными дредами, рассыпанными по спине. «Жители нижнего», подмечает он про себя, даже не задумавшись. Девушка все еще в дыму, но он успевает заметить еще кое-что: ее короткий холодный, полный злобы взгляд. Длится он всего секунду, но Мэтту хватает и этого, ведь его родители были защитниками порядка, и сам он – защитник. Видеть – у него в крови.

– Пошли? – говорит Чарли, и Мэтт отворачивается от окна. Он соглашается кивком и идет за другом.

– Ты чего такой хмурый? Призрака увидел?

Мэтт усмехается.

– Я всегда такой.

– Это точно, – смеется Чарли

Друзья останавливаются в конце толпы ровно в тот мо-

мент, когда оркестр начинает играть государственный гимн. Люди в оцеплении вытягиваются еще сильнее, и на трибуну выходят правительственные помощники, а во главе – президент. Жители вскрикивают, приветствуя своего лидера, а тот машет им в ответ, тепло улыбаясь. Его улыбке хочется верить. Да и есть за что: президенту Кауфману семьдесят восемь лет, но, несмотря на возраст, он все еще обладает живым умом. Благодаря его усилиям городу удалось остаться на плаву. Оркестр доиграл гимн до текста, и жители, что собрались здесь, поют вместе с Кауфманом. Мэтт оборачивается и смотрит на здания. Люди, которым не достался выходной, выглядывают из окон, подпевая, и солнце отражается в открытых створках.

Гимн закончился, толпа ликует и аплодирует, Кауфман подходит к микрофону.

– Здравствуйте, дорогие!

Люди снова аплодируют. Кауфман терпеливо ждет и улыбается, как дедушка, смотря на шаловливого внука.

– Сегодня – важный день для всех нас, – продолжает он, когда люди успокаиваются. – Чуть более столетия назад случилась Большая война.

У президента низкий, бархатистый твердый голос. И рядовые жители почитают его за простые, искренние речи без оттенка политической деловитости, которые он произносит, импровизируя, во время подобных событий.

– Многие погибли в ней. Но наши семьи – выжили. Только

благодаря им мы здесь.

Люди молчат, и в паузах Кауфмана слышится шелест деревьев. Мэтт осматривает горизонтальный монумент перед трибуной, на котором изображены двадцать флагов старых стран, жители которых выжили после войны. По центру, ровно под президентом, герб нового города – сизая голубка, раскрывшая крылья так, будто приглашает под ними спрятаться.

– Выжившие разных стран объединились на нейтральной территории, пригодной для жизни, и построили новый город, – Кауфман делает паузу и осматривает жителей своим пронизательным, но полным доброты взглядом. – Они создали новое общество, в котором нет различий по нациям, цвету кожи или происхождению.

За это время мы восстановили нашу жизнь: обезопасили территорию города, построили новые дома для каждой семьи, открыли новые больницы, школы и университеты, восстановили необходимое производство, дали жителям рабочие места. Мы максимально постарались, чтобы сделать вашу жизнь комфортной. И будем трудиться на благо города и дальше.

Жители аплодируют.

– В этот день можно многое рассказать и перечислять. Однако сегодня важный праздник, и мне поручено сделать одно важное дело.

Мы все родились здесь. Однако лишь один человек видел

само основание города пусть и в очень юном возрасте. Пожалуйста, пригласите господина Яски, – говорит Кауфман своим помощникам, и когда седовласый старожил тяжелой походкой выходит к микрофону, просит людей встретить героя.

Кто-то восторженно кричит «Это мой дед! Мой дед!», толпа вдохновенно аплодирует, а старичок смущенно улыбается.

– В этот важный день, господин Яски, от лица всех жителей и правительства, я бы хотел отметить ваши заслуги перед городом. Как вы все знаете, – обращается Кауфман к людям, – господин Яски большую часть своей жизни отдал на то, чтобы не только сделать нашу жизнь лучше, но и сохранить ту прекрасную часть наследия, что осталась нам от предков. До восьмидесяти пяти – а сейчас ему уже сто четыре – он учил нас и наших детей. Я сам лично был его учеником.

Кауфман улыбается, смотря на своего учителя, а тот добродушно посмеивается, хлопая по плечу президента.

– Благодаря его усилиям в городе существуют школы, университеты и научный центр. Последние двадцать пять лет он возглавляет библиотеку и музей, где собрана наша история. Кроме того, он прекрасный семьянин.

Где-то впереди, близко к трибуне, несколько человек машут руками, и старожил машет в ответ. Кауфман, увидев это, улыбается еще теплее, чем прежде.

– Учитывая все заслуги господина Яски, – продолжает президент, – к пятидесятилетию музея истории, что послезавтра, будет установлен памятник в его честь.

Люди аплодируют.

– Кроме того, мы приняли решение наградить его пока единственной почетной медалью Отличия первой степени за все, что он сделал для нас!

Оркестр заиграл коротенькую торжественную композицию. За спиной президента появляется помощник с синей открытой коробочкой, внутри которой в бархате покоится золотая медаль. Президент аккуратно достает ее и прикрепляет к пиджаку старожилу. Люди на площади хлопают и свистят, а старожил весь съеживается и прячет слезы на груди президента.

Когда господин Яски успокаивается, помощники президента усаживают его на откуда-то взявшийся стул, а Кауфман возвращается к трибуне.

– Имя нашего города означает «Тысячелетие». Но я верю, что он будет процветать гораздо дольше. Славься, Миллениум!

– Славься, Миллениум! – люди на площади радостно вторят президенту и аплодируют. Оркестр собирается начать новую композицию, но не успевает.

Кристин вдыхает дым кальяна и тихо выдыхает. Она смотрит в экран компьютера, но ничего там не видит. Передает

трубку Базуке, тот чисто автоматически забирает ее и продолжает работать.

«Внутри себя», – делает вывод Кристин и открыто смотрит в окно. Издалека донеслось «...новое общество, в котором нет различий по нациям», и Кристин усмехается.

– Старый вун, – тихонько говорит она. Звучит, тем не менее, очень по-доброму. Кристин понимает, что президент Кауфман врет намеренно. Многие еще не догадываются, но классовые разделения уже начинают назревать. Но этого пока не нужно знать людям.

Кристин знакома с президентом лично и очень любит его. Она думает, что он единственный, кто действительно смог бы исправить ситуацию с классовым разделением, но на это нужно время. А времени, по мнению Кристин, у него не так много: скоро более молодые правители займут его место. Кауфман, каким бы живым не был, уже стар.

Из посетителей никого кроме нее и Базуки нет, и персонал, не стесняясь, высунулся из окон и дверей. До Кристин донеслись слова «Яски» и «медаль».

– Слышал? Яски дают медаль.

– Библиотекарю? – спрашивает Базука, не поднимая головы.

– Ага.

– Круто, – в голосе мужчины слышится неподдельная гордость. – Он заслуживает.

Кристин качает головой в знак согласия. Они оба учились

у Яски.

– Классный мужик, – добавляет она под звуки оркестра. Следом Кауфман благословляет Миллениум на жизнь, и, неожиданно для всех гремит взрыв.

Базука резко отпрыгивает от окна, которое не разбивается, но опасно дрожит. Он поднимает голову и недоуменно переглядывается с Кристин, которая уже в следующую секунду срывается с места и, расталкивая испуганных официантов, вырывается на улицу. Она бежит на площадь, но постепенно останавливается, в ужасе смотря на то, что произошло.

Монуменга Единства нет. Президента нет. Когда Кристин говорила, что ему осталось немного времени, она совсем не это имела в виду.

«Что теперь будет, без Кауфмана?»

Этим вопросом будут задаваться многие.

«Иди! Потом будешь спрашивать, иди!», – кричит голос внутри, и Кристин повинуется ему. Она бежит, осматривает видимую часть площади на наличие угрозы и ничего не находит.

Там, где стояли люди, теперь туман из пыли. Из воздуха, как адский дождь, падают камни и человеческие останки, которые подлетели настолько высоко, что вернулись на землю только сейчас. Постепенно до жителей доходит, что произошло, и они начинают кричать. Кристин росла в семье сильных людей, и крики беспомощности вызывают у нее

отвращение. Потом она осудит себя за эту мысль. Потом, но не сейчас.

Она подбегает к краю толпы, падает на колени рядом с лежащим человеком и проверяет пульс и дыхание. Он дышит, и Кристин уволакивает его за плечи поближе к зданию. Жители, превратившиеся в толпу, уже начинают бегство, где лежащему под их ногами не выжить. Мужчина очень тяжелый, и передвигаться с ним нелегко. Благо кто-то подбегает и помогает. Кристин поднимает глаза: это Базука. Он практичен, за его плечами два рюкзака, в которых компьютеры, его и Кристин – неизвестно, что должно произойти, чтобы он бросил свое главное сокровище.

Добравшись до здания, девушка приседает и запоздало осматривает крыши: разумеется, пусто. Кристин благодарно кивает другу, снимает свой рюкзак и направляется в толпу, доставая бейдж, удостоверяющий ее медицинскую подготовку. Хотя она давно не миротворец, старые привычки не искоренишь, и удостоверение всегда при ней.

Толпа сбегает, но некоторые люди все же остаются, чтобы помочь пострадавшим. Или чтобы не ко времени оплакать погибших. Кристин пробивается против людского потока, проверяя пульс лежащих на земле. Шестерых, которых проверила девушка, город уже потерял. А ведь она еще только на внешней стороне. Проходя вглубь, Кристин видит покалеченные трупы. Ее не мутит, она видела и не такое. Кристин сажает мужчину, находящегося еще в сознании. Из его

волос на лицо стекает струйка крови. Опросив его и оценив ранение, она отдает его в руки проходящего добровольца, понимая, что ничего сделать не может.

Пробиваясь все ближе туда, где прежде была трибуна, Кристин слышит шум и оборачивается к улице Дружбы: издалека, сигналив сиреной, подъезжают отряды спасателей. Девушка позволяет себе слегка улыбнуться, но уже в следующую секунду осматривает площадь. Почти все те, кто мог уйти или кого увели, уже сидят вдоль зданий. Оглушенных, медленно уходящих с площади людей все меньше, но Кристин видит все больше трупов. Ее учили осматривать раненых средней тяжести, но оценить это среди большого количества пострадавших не так уж просто. Она видит плачущего ребенка и без сомнений бежит к нему.

– Привет, – говорит она, бегло осматривая его состояние. – Где-нибудь болит?

Ребенок сидит, внимательно смотрит на нее, но только хнычет, ничего не отвечая. Всего секунду Кристин думает, что он ее не слышит, но отвлекается на осмотр его состояния. Все, вроде бы, в порядке, не считая вывернутой на бок ступни. Девушка аккуратно берет мальчика на руки и идет как можно быстрее. Навстречу ей движется спасатель в черной форме.

– Мэм, вы в порядке? – кричит он, подбегая.

– Да, – отвечает Кристин, передавая ребенка. – Нужна аптечка.

Спасатель смотрит на бейдж с красным крестом и кивает.
– Идите за мной.

Она следует за женщиной, попутно подхватывая с земли женщину и помогая ей добраться до машин.

Кристин выдают зеленую сумку – набор первой помощи, и она возвращается на площадь. Команда спасателей вместе с добровольцами рассредоточилась по территории. Там, где прежде был монумент, а теперь угловатая груда мрамора, работают мужчины и женщины, вытаскивая пострадавших из-под обломков. Кристин проходит мимо порванного барабана и погнутой трубы, и старается не обращать внимания на кровавые пятна. Работы еще много, не время разглядывать детали. Однако среди камней что-то блестит, и она не может устоять. Раздвинув мраморную пыль и камни, Кристин поднимает на ладони блестящий предмет. Рассмотрев внимательно, она убирает его в рюкзак – «Разберусь с ним позже».

«Позже» наступило только через шесть часов.

Кристин садится на подножку автомобиля, и спасатель протягивает ей бутылку воды.

– Вы молодец, – говорит мужчина, снимая маску. Кристин хмуро кивает и пьет.

Оранжевое солнце светит с улицы Согласия, освещая площадь под другим углом. Спасатели все еще разбирают обломки, одна из команд собирает части тел, пытаясь вернуть

целостность пострадавшим, все это транслируется на экраны. Зрелище неприятное, но Кристин позволяет себе пока только хмуриться. Для более сильных эмоций еще не время. И не место.

Рядом плюхается Базука и осматривает подругу.

– Порядок, Крис?

– Порядок, Баз. А ты? Ты весь в... – девушка показывает на следы крови, расплзшиеся бардовыми волнами по красной толстовке.

– Сойдет. Ты, кстати, тоже. Голову даю на отсечение, что и не заметила.

Кристин осматривает темные пятна на синей рубашке.

– Хватит на сегодня, – говорит она.

Базука понимает, что сказал нечто неуместное и виновато качает головой.

– Пожалуй, да. В жизни такого не видел.

Кристин молчит. Она видела.

– Кстати, подлатаешь меня?

Базука закатывает рукав. От его локтя вниз тянется резанная рана: алеющая полоса на черной коже.

– Обо что ты так?

– О камень.

– Тебе бы к хирургу.

– Ты ведь умеешь.

– Умею, но...

– Давай, им и без меня есть чем заняться.

Базука прав: в городской больнице сегодня неприятный ажиотаж. Кристин вздыхает и роется в сумке.

– На, пей.

– Что это?

– Обезболивающее. Пока przygotowуюсь, подействует.

Кристин быстро и уверенно владеет иглой, и через двадцать минут Базука со слезящимися глазами улыбается:

– Спасибо, док.

– Не за что, – девушка хлопает его по плечу. – Если откажется, я не виновата.

Базука громко смеется, придерживая руку.

– Буду надеяться на лучший исход.

Кристин устало улыбается и кивает.

– Ты идешь?

– Пожалуй, еще задержусь.

– Думаешь, мы им еще понадобится? – Базука смотрит на спасателей, разгребаящих руины.

– Ты иди, – тихо отвечает девушка. – Ты сегодня и так молодец.

– Да уж. Кажется, придется напиться, чтобы уснуть, – он смеется.

– Лучше воздержись.

– Знаю.

Друзья молчат с минуту, наблюдая, как солнце клонится вправо, за дома, которые постепенно бросают тень на площадь. Прибывшие военные оцепили место действия и пре-

граждают путь людям, которые пришли найти своих близких. Здесь, внутри, спокойно. За чертой военных – убийственное горе. И Кристин даже не заметила, когда появилась эта черта.

– Ладно, я пойду, – мужчина встает и разминает ноги. – Держись, окей? Напиши, как будешь готова продолжить работу.

Кристин кивает, и ее друг уходит.

– Базука! – внезапно кричит девушка. Мужчина оборачивается и вопросительно смотрит. Кристин указывает на свой рюкзак. – Спасибо.

– Не вопрос, – Базука жмет плечами и идет к линии военных.

Кристин переводит взгляд налево. Там уже пятнадцать минут стоят трое мужчин: двое в запыленных костюмах докладывают что-то человеку в военной форме. Совещание заканчивается, костюмы и военный расходятся в разные стороны, и Кристин срывается с места.

– Эй, – кричит она костюмам. Мужчины оборачиваются. – На минуту.

Со стороны кажется, что Мэтт стоит ближе, чем Чарли. Потому именно он подходит к Кристин и вопросительно смотрит на нее.

Девушка достает из рюкзака круглый предмет. Солнце больше не падает на него, и он не такой блестящий. Кристин протягивает его, и на ладонь Мэтта ложится медаль Яски.

Мужчина разглядывает ее, и через некоторое время поднимает глаза.

– Почему не отдала военным?

Кристин жмет плечами.

– Они могут забыть. Ты – нет.

Мэтт еще раз смотрит на медаль, кивает головой и убирает ее в карман.

– Что-то еще?

Кристин молчит, склонив голову на бок.

– Нет, – Мэтт догадывается, что ей нужно, и мотает головой. – Узнаешь из официального заявления. Я не хочу, чтобы город прочел все в твоём блоге.

– Этого не будет.

Тон Кристин подтверждает ее слова. Мэтт, засомневавшись, смотрит по сторонам: военные далеко, Чарли далеко.

– Ладно, – сдается Мэтт. – По официальной версии это дело рук Марлена и его дружков.

– Марлена... мятежника?

– Именно.

Кристин усмехается.

– Стоило ожидать. На этого парня уже целая стопка дел, а его никак не схватят. Он вообще существует?

Они молча осматривают друг друга.

– Ты в норме? Видел, как ты сегодня...

– Да, порядок, – жестко перебивает Кристин. Мужчина кивает. – Ладно, спасибо.

Кристин пару секунд глядит на Мэтта и, кивнув, уходит. Мэтт напряженно смотрит ей в спину.

2

Она откупорила бутылку дешевого красного вина, зажгла свечу и легла в ванну. За стеной гремит музыка из прошлого тысячелетия, и Кристин все равно, как к этому отнесутся соседи. Миссис Клозник с ее карапузом нет, а на остальных плевать хотелось. Кристин пьет, ставит бутылку на край и уходит под воду с головой.

Она лежит с закрытыми глазами и думает, сколько воспоминаний пронесется в ее голове, пока легкие не потребуют воздуха. Дыхания ей хватит секунд на семьдесят, из них пятнадцать уже прошло. Кристин открывает глаза. По потолку блуждают причудливые узоры – тени, разгоняемые пламенем свечи, которое качается на сквозняке. Кристин гонит от себя любые мысли, но порванный барабан настойчиво появляется перед глазами.

«Я не хочу вспоминать», – думает Кристин, но сама понимает, что это неизбежно. Сердцебиение звучит у нее в ушах, легкие начинают давить в грудной клетке. Проходит еще сорок секунд. Кристин закрывает глаза.

Она и Патрик в проулке.

Патрик накрывает ее собой, и Кристин чувствует, как его тело пронзают пули.

Из глаз Патрика течет кровь. Он не успел сказать ни слова.

Кристин выскакивает из воды, жадно глотая воздух. Бутылка со звоном падает, вино растекается бардовыми лужами. Девушка бросает полотенце на пол и выходит, не вытираясь.

Однажды Патрик сказал, что правительство их обманывает. Кристин согласилась, но не уточнила, о чем он говорил.

– Может быть, ты остался бы жив, – говорит девушка, смотря на фотографию. На ней ее семья, она и Патрик – день их помолвки. Все улыбаются так, будто Миллениум – самый счастливый город на свете, и нет ни мятежников, ни постоянных миротворческих рейдов.

Однажды Патрик сказал, что до Миллениума миротворцы воевали, но по совсем другим причинам и принципам. Кристин не слушала, она упивалась счастьем, приближением собственной свадьбы и очередным удачным рейдом. Ей не нравилось, что иногда ее отряду приходилось убивать, но это же было на благо.

Она кладет фотографию изображением вниз и подходит к большому террариуму, стуча ногтем по стеклу.

– Привет, Беглец, – Кристин улыбается. Большой пушистый паук притаился на противоположной стороне, наблюдая всеми своими глазами. – Надеюсь, ты в порядке.

Она натягивает штаны и майку, убавляет музыку, открывает новую бутылку вина, проглатывает таблетку, хватается телефонную трубку и усаживается на подоконник. Кристин

живет в старом, обветшалом доме двадцати этажей. Последний раньше был пентхаусом на четыре комнаты, в одной из которых теперь пробита крыша и живут птицы. Остальные три (спальня, гостиная и самодельная кухня) Кристин занимает единолично. Верхний и Средний город перестроили, что смогли – реконструировали, но Нижнего это почти не коснулось. А особенно высоток, коих в этой части пара десятков – слишком дорого ремонтировать дома в аварийном состоянии, в которых обитает около сотни человек, конечно.

Кристин живет там, где проходит линия между Нижним и Средним, так что вид из ее окон очень колоритный. С одной стороны серые и убогие дома, многие из которых заброшены, заводы с длинными трубами, подземка. С другой – цветные домики, развлекательные центры, шикарные парки. Миллениум начинался с равенства и равноправия, от которых постепенно ничего не остается.

Раньше Кристин жила со своей семье на границе между Верхним и Средним. Теперь, после смерти Патрика, она – житель Нижнего. Она переехала сюда, чтобы понять, почему он оказался среди мятежников. Но ей это так и не удастся.

Кристин делает большой глоток и набирает номер. Она нисколько не волнуется, что абонент может вычислить ее: если начать искать, выйдет десяток фальшивых адресов.

В трубке слышится три гудка и суровый мужской голос.
– Слушаю.

Кристин молчит, собеседник вздыхает.

– Раз позвонила, то говори, а не молчи.

Кристин наблюдает за струей дыма над заводом и пьет вино. Оно кислое.

– Не удержалась, да? – говорит мужчина на другом конце. – Ладно, я не лучше: мои друзья сегодня – водка и лед.

Кристин ухмыляется в трубку и делает еще глоток.

– Надо же, хоть какой-то живой звук от тебя.

Мужчина дышит в трубку, Кристин тоже, пару минут никто не говорит. В квартире у девушки запел Ленни Кравиц, и мужчина в трубке подпевает.

– Ты сейчас, наверно, улыбаешься?

Абсолютная правда. Кристин смотрит на свое отражение в оконном стекле и слегка удивляется: как мало было нужно, чтобы стать другим человеком. Слегка печальная улыбка блуждает по ее лицу.

– Почему ты не говоришь со мной? Ты все еще винишь меня, да? Я ведь сделал то, что должен был.

Трек-лист подошел к концу, и по квартире разлилась тишина.

– Почему бы нам не встретиться и не поговорить, выяснить все?

«Мы разучились говорить друг с другом», – думает про себя Кристин.

Мужчина вздыхает.

– Хотя я все еще зол и считаю, что ты не права, я был

рад... – собеседник запинаятся. – Ну, ты понимаешь.

Кристин еле заметно улыбается: «Зато честно».

– Ладно, пойду. Напьюсь чем-нибудь покрепче и спать, – мужчина ухмыляется. – Знаешь, мне бы хотелось однажды позвонить тебе. Чтобы твоя чертовая техника сгорела, не определила номер, и ты сняла трубку. Я хочу, чтобы наши идеологические войны прекратились. Возможно ли это?.. Ладно. Пока. Береги себя.

– И ты себя, – отвечает Кристин, когда собеседник вешает трубку.

3

– Что ты здесь делаешь?

Патрик сидит за партой Кристин. Он отбрасывает каштановые волосы с лица и ласково смотрит.

– У нас свидание, разве нет?

Его шуточный тон заставляет Кристин съежиться. «У него должна быть пуля в голове, и еще две – в теле. Где она? Где они?!»

– Присядь уже наконец.

Кристин медленно движется по классу, садится за парту слева и смотрит на школьную доску. Ракурс слегка не тот потому, что на ее привычном месте сидит Патрик. В этом классе преподавал мистер Яски, ныне тоже мертвый.

– Не посмотришь на меня? – спрашивает Патрик.

– Ты умер, – ледяным голосом отвечает Кристин. – Умер три года назад.

На улице, несмотря на солнце, идет дождь. Девушка смотрит в окно и наблюдает, как старый вяз скребется ветками по стеклу. Мерный шум капель успокаивает, но соседство с мертвецом, пусть и некогда любимым – нет.

– Тогда почему ты пригласила меня?

– Я не приглашала тебя! – отвечает Кристин и неожиданно для себя поворачивается.

Патрик улыбается. У него отросшие, лохматые волосы, небольшой синяк на левой скуле, уставшие зеленые глаза – он такой, каким был перед смертью.

Кристин вспоминает, как он накрывает ее собой.

– Почему ты здесь? – робко спрашивает она. – Ты ведь...

– Умер, я знаю, – он говорит это с такой легкостью, что Кристин слегка съеживается. – Но здесь я потому, что ты меня пригласила.

– Я не...

– Да ладно тебе, – отмахивается Патрик, – ты ни о чем не хочешь меня спросить?

Кристин напряженно чешет подбородок.

– Я должна спросить тебя... о загробной жизни?

Патрик смеется в голос и заглушает шум дождя.

– Может быть у тебя есть вопросы поинтересней?

– Я не... – Кристин растерянно смотрит на парня, не понимая, чего он хочет от нее.

Она переводит взгляд на доску и вспоминает, как мистер Яски учил их читать поэзию. «Постарайтесь постичь суть», – говорил он. Учитель раздавал всем абрикосы и объяснял, что красивый язык стихотворений – это мякоть, приятная на вкус. Но самое важное – косточка, которая хранит в себе суть произведения. И если ее посадить, вырастет прекрасное дерево, величие которого не оставит равнодушным никого.

С потолка закапало на Кристин и парту, шум капель звучит внутри класса. Она оборачивается к Патрику – это движение кажется невероятно долгим, будто длится десять, а то и пятнадцать минут. Кристин за это время промокла под струями дождя, проникающими через крышу. Парень тоже оказался достаточно мокрым. Он серьезно смотрит на нее.

– Что происходит? – взволнованно спрашивает Кристин и пытается посмотреть наверх, но вода заливает ей лицо. Это уже не похоже на дождь.

– Ты слишком долго думала, время ушло, – мрачно заключает Патрик. – Я успею ответить только на один вопрос.

– Что? – кричит Кристин в панике, пытаясь быть громче, чем поток с потолка. Ее ноги в воде почти по колено, она крутит головой из стороны в сторону, чтобы понять, что происходит.

– Один вопрос, – криком отвечает Патрик.

Кристин сосредоточенно смотрит на бывшего жениха. Он отвечает взглядом, полным серьезности и отчаянья: если

не сейчас, то никогда.

– Почему ты перешел? – спрашивает она тихо, но знает, что он ее слышит. – Потому что, как ты говорил, правительство нас обманывало? Что ты имел в виду?

– Это три вопроса, Кристин, – говорит Патрик. – И тебе нужно спросить у него.

Парень поворачивает голову к доске. Там стоит мистер Яски.

– Постарайтесь постичь суть, – говорит он и смотрит вверх. Кристин тоже. В этот момент потолок обрушивается, и вода напором ударяет девушку в грудь.

Она вскакивает с постели, набирая в себя столько воздуха, что начинает кружиться голова. Медленно добравшись до кухни, девушка плюхается в кресло. За окном тонкой полоской алеет рассвет, метро уже шумит под землей. Кристин распахивает окно и кричит, что есть духу.

Патрик не снился ей очень давно. Последний раз – через год после кончины. Спустя год, как она прекратила свою миротворческую деятельность. Тогда, во сне, она перевернула его тело, и он сказал ей не прекращать поиски. В день, когда она сделала это по настоящему, он не сказал ничего. А сегодня он попросил задать один вопрос, и тот, что она задала, похоже, устроил его.

– Да вот незадача, – язвительно говорит Кристин в тишину, – библиотекарь-то помер, как я его спрошу?

Ее наручные часы еще не дают сигнала, но она наливает кофе, проглатывает таблетку и садится за компьютер. Кадры вчерашнего дня всплывают в ее голове: мужчина, которого они оттащили с Базукой, порванный барабан, мальчик, медаль, имя «Марлен».

– Неужели мятежники снова взялись за свое?

Она вздыхает и выводит компьютер из спящего режима. На стену напротив проецируется изображение рабочего экрана. Кристин заходит на сайт города и открывает фильм о Большой войне. Она смотрела его множество раз, но не нашла в нем ответов. Почему люди боролись друг с другом, уничтожая все, что они имели, – для нее загадка.

Закадровый голос вновь рассказывает о том, что в конце второго тысячелетия состоялся научный прорыв: ученые путем долгих исследований открыли новый химический элемент. Открытие было призвано помочь людям, но, являясь по своей природе, бездумными тиранами, они создали бомбу, способную уничтожить все живое на планете. Так, в декабре прошлой эры, прогремел первый взрыв.

Кристин отключает звук и молча наблюдает за сменой внушающих ужас картинок на голографическом экране. Накручивая дредину на палец, вспоминает, все, что когда-либо слышала о начале войны. «Никто на самом деле не знает, кто на кого напал первым» – говорила ее мать. Так все осталось и по сей день: существует официальная версия, существует масса других, но они настолько противоречат друг другу, что

правду не найти. Разве что...

– ... Библиотекарь знает, – заканчивает Кристин свою мысль вслух.

Яски потратил жизнь на сбор информации о том, что было до Миллениума. Но, помогая создавать новое общество, он вполне мог что-то утаить. Эта мысль ярким огнем разгорается в мозгу Кристин, что она, несмотря на раннее утро, хватается телефон и звонит.

На том конце тянутся гудки, а потом голос: еще не спящий, но уже сонный. Кристин почти подпрыгивает от радости, что на ее звонок ответили.

– Базука, – говорит она тихо. – Если я попрошу тебя помочь мне сделать что-то противозаконное, ты согласишься?

4

Базука чем-то занимается, уткнувшись в портативный гаджет размером с его ладонь. Кристин делает вид, что не смотрит, хотя, на самом деле, очень внимательно наблюдает. Ждет сигнала.

Гражданская панихида проходит в тот же день, что и юбилей музея. В большом холле центральной библиотеки и музея Миллениума собрались люди с разных концов города: пусть они все одеты в черное, различить их совсем нетрудно. Здесь телевизионные камеры и журналисты в первых рядах. Премьер-министр Дуглас Бауэрман стоит перед огром-

ной стелой с фотографиями погибших позавчера и зачитывает речь с бумаги; его окружает многочисленная охрана. По центру, на стеле, фотография Кауфмана. Учитывая законы Миллениума, Бауэрман станет следующим лидером без городских выборов.

Бывший президент за спиной будущего президента. Мертвый и живой.

Мир соткан из противоречий.

Голос Бауэрмана полон горечи, но звучит неубедительно. По его левую руку стоит что-то высокое, накрытое плотной тканью. Нетрудно догадаться, что это памятник Ясски, его откроют после речи премьер-министра. А Бауэрман, кстати, не умеет говорить мало, чем невыгодно отличается от погибшего президента.

– Если собираешься идти – самое время, – шепчет Базука.

Кристин кивает и медленно проходит вдоль толпы. На ней кепка с широким козырьком и темно-синяя толстовка. На всякий случай, она натягивает капюшон. Базука выжидает с минуту и движется следом. Весь вчерашний день они провели изучая схему здания и сегодня следуют строго намеченному плану. Девушка останавливается у доски, на которой информация о музее и библиотеке. Мимо нее проходит один из охранников, обходя периметр. Кристин еле заметно кивает головой, и Базука нажимает на кнопку, не доставая руку из кармана.

Ревет сигнализация, на выставленные в холле экспонаты

в стеклянных колбах опускаются решетки. Среди людей переполох: ожидая очередного взрыва, они бегут к дверям, где охрана уже пытается упорядочить хаотичное движение беглецов.

Сигнализация отключается раньше, чем холл пустеет наполовину. В суматохе Бауэрман неубедительными фразами призывает к спокойствию. Но чтобы успокоиться требуется время. Ровно столько же нужно Кристин и Базуке, чтобы добежать до кабинета Яски.

– Это ложная тревога, – доносится голос Бауэрмана с первого этажа, и в нем слышатся страх и недоумение. А Кристин молится о том, чтобы дверь библиотекаря была не заперта, и они никого не встретили. Первая молитва сбывается полностью.

Кабинет Яски очень большой. Она видела его на плане здания, но не думала, что он покажется ей таким изнутри. В нем разлит успокаивающий запах, присущий только библиотеке. В кабинете тихо и уютно.

Кристин бегло осматривает полки и охает:

– Где он достал столько?..

И не количество ее удивляет, а то, что большинство из книг напечатаны до времен Большой войны.

– Он же ездил в экспедиции с военными, – Базука пододвигает стул к двери и садится – если кто-нибудь решит войти, сразу ему это не удастся.

– Тут даже обгоревшие есть...

– Делай то, зачем пришла.

Что-то в его тоне заставляет Кристин нервно обернуться.

– Крис, ты в порядке?

Девушка кивает, сжимает кулаки и садится за компьютер. У Яски он старенькой модели, такие выпускали задолго до войны. Кристин подсоединяет жесткий диск и входит в систему еще до того, как она полностью загружается. После нескольких операций начинается полное копирование.

– Надеюсь, это стоит того, – ухмыляется Баука.

– И я.

Кристин пошла в миротворцы в 21 год, за год до смерти родителей. Ушла оттуда спустя два года – после смерти Патрика. Долгое время, почти год, она слонялась без дела, абсолютно не зная чем заняться и не пытаясь понять свое предназначение в мире. Верхний город перестал быть ее домом, а трущобы Нижнего вполне приглянулись. Кристин по сей день помнит боль от того, что оставшиеся близкие предали ее. И хоть боль все же притупилась, непонимание – нет.

– Много там?

Девушка смотрит на экран.

– Только сорок процентов.

Баука что-то проверяет в своем гаджете и вновь откидывается на стул.

– Пока все тихо, но лучше бы поторопиться.

– Ты ведь знаешь, что я не могу бежать впереди метро.

– Знаю, – вздыхает мужчина. – Похоже, старикан был кол-

лекционером информации, да?

– Угу.

Несколько раз Кристин пытались изнасиловать, но миротворческая подготовка помогала ей отбиться, сколько бы алкоголя ни было в крови. Однажды весенним утром, когда она промерзала до костей, прислонившись к серой стене заброшенного дома и накрывшись тонкой курткой, рядом с ней остановился человек. На поводке он держал взрослого пуделя, который с любопытством рассматривал Кристин, виляя хвостом. Мужчина долго молчал, а девушка не сводила глаз с собаки.

– Вы в порядке? – наконец спросил он очень тихо и вкрадчиво. Так, что у Кристин чуть не разорвалось сердце.

Она смотрела на его ноги, на его собаку, не в силах поднять глаза.

– Как его зовут? – все, что смогла спросить девушка осипшим от пьянок голосом, смаргивая слезы. Мужчина присел на корточки, добродушно смеясь.

– Это – Принцесса, – ответил он, похлопывая собаку. – Вы можете погладить ее, она не кусается.

Кристин сперва долго смотрела в глаза чернокожему мужчине и, когда решила, что ему можно доверять, робко вытащила руку из-под куртки и прижалась ладонью к пуделю. Собака была теплой, ее мех – мягким и гладким. Слезы потекли по лицу девушки, и она не стала их скрывать.

– А вас как зовут? – спросил мужчина.

– Кристин, – ответила она.

Он молча наблюдал, как девушка гладит его собаку пыльной рукой. Где-то вдалеке прозвучал гудок, сообщая об окончании ночной смены на одном из заводов Нижнего.

– Откуда она у вас? – тихо спросила Кристин, прочистив горло.

– Вам ведь можно доверять? – мужчина, по-прежнему улыбаясь, посмотрел на девушку. Оба знали, что этот вопрос только «для галочки». – Она досталась мне после смерти одного из мятежников. Здоровых собак выжило мало, мало их и до сих пор, – он пожал плечами. – Живое надо беречь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.